

Марина Костюхина

«ВЫЗЫВАНИЕ ДУХА БИАНКИ» (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ М. ЗВЕРЕВА И Н. СЛАДКОВА)

Статья посвящена обзору творческого и личного общения советских писателей-натуралистов в 1960–1980-х гг. Вдохновителем и литературным учителем этого писательского сообщества был В. Бианки, а его учениками ленинградские авторы, писавшие о природе. Своим наследником в литературе Бианки называл Н. Сладкова. Переписка Н. Сладкова с казахстанским писателем-натуралистом М. Зверевым дает материал для анализа художественных и мировоззренческих установок авторов, причислявших себя к литературной школе В. Бианки, кроме того позволяет судить не только о личных взаимоотношениях корреспондентов, но и о феномене советского писателя-«природника». Противопоставляя себя любителям-дилетантам, «природники» настаивали на необходимости сочетать научную достоверность с художественной образностью, видя в этом специфику природоведческой литературы. Другой важной частью идентичности «природников» было участие в полевой биологической работе, позволявшей собирать материал для литературного творчества. Художественная программа ленинградских натуралистов была противоречивой: в чем-то наследовала природоведческой концепции и литературному методу Бианки, в чем-то их оспаривала. Тем не менее круг учеников Бианки взял на себя роль непререкаемых экспертов в области новинок натуралистической прозы для детей.

Ключевые слова: писатели-«природники», природоведческая сказка, эпистолярный, В. Бианки, Н. Сладков, М. Зверев

Марина Сергеевна Костюхина

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург
eakost@yandex.ru

Выражение, определившее название статьи, является цитатой из письма Николая Сладкова (1920–1996), адресованного Максиму Звереву (1896–1996) в 1983 г., и звучит дословно так: «по временам вызываю дух Бианки»¹. Вызывание духа Виталия Бианки (1894–1959), то есть обращение к личности писателя и цитирование его высказываний, неоднократно встречается на страницах переписки Зверева и Сладкова. Это объясняется не только личными симпатиями корреспондентов, но и той ролью, которую Бианки играл в сообществе советских писателей-натуралистов (в литературном обиходе 1960–1980-х гг. их называли «природниками»). Многие «природники» (среди них Н. Сладков и М. Зверев) были членами Союза советских писателей, занимали не последнее место в иерархии этого союза. Хотя «природники» не имели отдельной секции внутри писательской организации, они ощущали себя участниками литературного сообщества, скрепленного творческими, издательскими и дружескими связями. Неофициальной «столицей» этого сообщества был Ленинград, город, где жил и работал В. Бианки, признанный глава литературной школы «природников», к которой принадлежали Н. Сладков, Св. Сахарнов, А. Ливеровский, Э. Шим, К. Гарновский, Н. Павлова и др. Хотя сам Бианки предпочитал называть себя писателем-натуралистом, авторы из его литературного круга не чуждались именоваться «природниками» (по аналогии с писателями-«деревенщиками»)².

В культурной жизни Ленинграда «природники» были заметными людьми: они считались «своими» в Ленинградском отделе Детгиза, в редакции журнала «Костер», в отделах детских передач на ленинградском радио. Высокий уровень литературной культуры давал право ленинградским авторам противопоставлять себя московским писателям-натуралистам (прежде всего в лице Г. Скребицкого, автора многочисленных произведений о природе, растиражированных в школьных учебниках по чтению). Роль ленинградского сообщества «природников» признавали и те, кто жил далеко от обеих столиц и представлял региональные литературные центры. Так, деятельность М. Зверева была тесно связана с Алма-Атой, где писатель прожил большую часть жизни, занимался организацией алма-атинского зоопарка, руководил кружками юных натуралистов, был активным защитником природы и много печатался как литератор (имел звание народного писателя Казахстана). Территориальная отдаленность Алма-Аты от Ленинграда не помешала установлению дружеских контактов Зверева и Сладкова. Нечастые встречи писателей перемежались многолет-

ней перепиской, начавшейся в 1950-е гг. и продолжавшейся до последних лет жизни писателей (большая разница в возрасте — Зверев был старше Сладкова на 24 года — не мешала их дружескому общению). Начало переписке положили письма В. Бианки, адресованные Звереву³, а затем ее участниками стали писатели-натуралисты из разных регионов страны.

Переписка М. Зверева и Н. Сладкова позволяет судить не только о личных взаимоотношениях корреспондентов, но и о феномене советского писателя-«природника». Несмотря на широкую известность многих имен, это писательское сообщество не становилось предметом исследования. Переписка ленинградского и казахстанского писателей-натуралистов дает материал о творческих и идеологических установках внутри круга «природников». Постоянные споры, возникавшие между корреспондентами по вопросам природоведческой литературы, делают переписку особенно интересной для исследования этого сообщества советских авторов.

Пропуском в круг писателей-натуралистов служило наличие естественно-научного образования (биологического, географического, лесотехнического и т. д.), а также опыт исследовательской деятельности. Образовательный ценз не сводился к наличию у писателя диплома (Бианки бросил биофак университета, Сладков не закончил гидрометеорологический институт), но обязательным считалось знание научных фактов из области естествознания и владение системным подходом к явлениям природы. Научный специалитет, который соблюдали «природники», позволял провести границу между своими и чужими; к последним относились «любители природы», «дилетанты», как их с раздражением называли натуралисты. Зверев писал Сладкову: «Все познавательное и воспитательное значение природоведческой книги сводится на нет, если ее пишет дилетант» [Зверев 1984, 256]. Свидетельством дилетантизма служили многочисленные ошибки, допущенные «любителями природы» в книгах для детей (списки таких ошибок периодически рассылались возмущенными «природниками» в столичные и региональные издательства детской литературы).

К «дилетантам» натуралисты относили и «деревенщиков», несмотря на то что природоохранная тематика являлась общей для этого круга писателей. Сближению между ними мешало равнодушное отношение натуралистов к деревне как хранительнице народных традиций и фольклора. Зверев признавался Сладкову: «Откровенно говоря, до меня не доходит идея „фольклора“, вернее — не зажигает» [Письмо 1968, л. 49]. Не доходила она и до

Сладкова, хотя тот подолгу жил в деревне Ерзовка Новгородской области, хорошо знал деревенскую жизнь и местный фольклор.

«Деревенщиков», в свою очередь, раздражал научный снобизм писателей-натуралистов. Ф. Абрамов в одном из рассказов зло высмеял «природников» за аристократизм в деревенском быту и чуждость местному укладу жизни⁴. В действительности немногие из писателей-«природников» профессионально занимались научно-исследовательской деятельностью (как и немногие «деревенщики» были людьми деревни, а не обычными дачниками). Научная работа не оставляла натуралистам времени на писательство и наоборот. Зверев рассказывал, что смог заняться литературой только тогда, когда отпала необходимость работать зоологом, чтобы обеспечивать семью. Бианки, напротив, кормил семью литературными заработками, оставив науку. То и другое в условиях советского житья-бытья совмещалось с трудом.

Помимо знаний в области биологии и зоологии «природников» отличали профессиональные практики: они участвовали в экспедициях, организовывали походы, вели юннатские кружки и были, что называется, легки на подъем, когда дело касалось исследовательской работы в «поле». В отличие от авторов письменного стола, «природники» значительную часть времени проводили в разъездах и экспедициях. Зверев признавался Сладкову, что свои произведения он пишет, сидя у костра, в лесу, в палатке, на горном склоне или в степи, и эти слова не были романтической бравадой⁵.

«Природники» профессионально занимались экологической деятельностью, видя в этом проявление своей общественной позиции. Некоторые из природных объектов Казахстана до сегодняшнего дня радуют взор, благодаря активности Зверева в их сохранении (натуралистом было написано много статей в газеты Казахстана на тему защиты дикой природы). Публицистическая риторика заметно отличала «природников» от таких авторов, как Михаил Пришвин (при всей демонстрации уважения к писателю, они не чувствовали в Пришвине близкого по духу автора)⁶. Философским вопросам они предпочитали обращение в обком партии и экологическое просвещение. Публицистическая деятельность «природников» в советское время была высоко оценена государственными наградами и премиями («деревенщики», занимавшиеся проблемами экологии, ждали официального признания намного дольше).

Установка на популяризацию природоведческих знаний и просветительство привела «природников» в русло детской литературы. Бианки и Зверев начинали как талантливые зообеллетристы,

Рис. 1. М. Зверев и Н. Сладков на кордоне в Глубокой Щели Заилийского Ала-Тау. С фотоаппаратом Н. Сладков. Фото А. Лухтанова

вдохновленные произведениями канадского зоолога и писателя Э. Сетона-Томпсона (1860–1946). Однако идеи о значимости природного мира и его право быть независимым от человека шли в разрез с советскими идеями и практиками покорения природы. В итоге, Бианки и Звереву пришлось отказаться от зообеллетристики, сменив ее на природоведческие сказки и популярные издания для юннатов.

Несмотря на то что «природники» печатали свои книги в издательствах детской литературы, они сторонились коллег по литературному цеху. Истоки такого обособления — в идеологических преследованиях конца 1930–1940-х гг., когда шельмовались авторы, писавшие о природе (С. Маршак в эти годы «не замечал» Бианки, и тот до конца жизни платил тем же мэтру советской детской литературы, хотя оба были знакомы по совместной работе в ленинградском Детгизе)⁷. Но и в 1960–1970-е гг., когда повести о пионерах-героях стали мирно сосуществовать с книгами о юннатах, «природники» предпочитали дистанцироваться от детских писателей, подчеркивая свою идеологическую неангажированность. Сладков вслед за Бианки утверждал в переписке, что никогда не писал по заказу, имея в виду заказ идейно-пионерской тематики⁸.

Рис. 2. Н. Сладков (слева) и В. Бианки в домашней обстановке (фото 1950-х г.г.)

Рис. 3. М. Зверев и Н. Сладков. С фотоаппаратом Н. Сладков. Фото А. Лухтанова

Однако характер заказа в 1960–1970-е гг., в отличие от времени Бианки (1940–1950-е гг.), заметно изменился, и природоохранная тематика, прежде осуждаемая за безыдейность, двадцать лет спустя стала частью советского идеологического дискурса. «Беспредметная» любовь к природе оказалась прописанной по ведомству патристического воспитания подрастающего поколения и широко использовалась в общесоюзных пионерских проектах. Государственные награды и звания, полученные Зверевым и Сладковым, свидетельствуют об успешном «государевом служении» обоих авторов. По словам исследовательницы творчества писателей-«деревенщиков» А. Разуваловой: государственная премия «редко бывает проявлением бескорыстной любви к искусству, ибо прежде всего нацелена на легитимацию определенных культурно-идеологических установок и ценностей...» [Разувалова 2015, 9].

Официальному цеху авторов детской литературы «природники» противопоставляли собственное писательское сообщество, именованное литературной школой Бианки. Его участниками были люди разного возраста, с различным научным и литературным опытом (от юннатов до профессоров). Их объединяло совместное участие в культурно-просветительских проектах природоведческого содержания («Лесная газета», «Вести из леса»), инициатором и вдохновителем которых был Бианки. Сам писатель сопоставлял такой вид профессионально-дружеского общения с традицией русских культурных сообществ (кружков) и всячески его поддерживал: «Не зря же почти все искусство — даже в его величайших представителях — возникает в каких-то кружках (вспомните, например, Глинку, Сверчка — Пушкина, нашу „могучую кучку“ в музыке и т. д. и т. п.) — в среде, где есть понимание, общность взглядов при всей разности дарований, споры, „старшие и младшие“ в работе (по времени), общая любовь к искусству и т. д.» (из письма В. Бианки к В. Гарновскому от 4.11.47) [Бианки 2016, 291].

Школа Бианки воспринималась «природниками» не только как литературная институция со своими тематическими предпочтениями, эстетическими правилами и критериями оценки, но и как школа жизни, основанная на безусловном уважении к учителю и преданности учеников. Об этом свидетельствует риторика наставничества, характерная для стиля переписки и общения авторов круга Бианки. Примером могут служить многократно воспроизведенные слова Бианки из письма к Сладкову в 1952 г.: «Ты — мой наследник. Ты будешь продолжать в жизни то дело, которое делал я: средствами искусства призывать людей (равнодушных) стучаться в природы

замкнутую дверь») [Неуймина 1988, 54]. Риторика в стиле пушкинского «и, в гроб сходя, благославил» указывает на высокий стиль отношений между «природниками»⁹.

Единению «природников» способствовала дружеская атмосфера семьи Бианки, в квартире которого в последние годы жизни писателя проходили встречи участников радиопередачи «Вести из леса»¹⁰. Уход Бианки из жизни еще в большей степени содействовал его культу как учителя в литературе и наставника в жизни. Каждая природоведческая книга авторов круга Бианки выходила с его рекомендациями и пожеланиями, высказанными в личных письмах или в прижизненных рецензиях. Традиция таких рекомендаций и «благословений» при переиздании книг «природников» сохраняется до сегодняшнего дня, хотя бывшие «ученики» давно стали классиками природоведческой литературы¹¹.

Произведения Бианки и его высказывания о литературе служили для авторов его школы образцами и критериями в оценке произведений природоведческой тематики. В особенности это касалось жанра природоведческой сказки, создателем которой, и не без основания, считают Бианки. Начатый в давние 1920-е гг. спор о допустимости очеловечивания животных в природоведческой книге сохранял свою актуальность для «природников» в 1960–1980 гг. Сладков писал Звереву: «Значит так. Если Вы хотите рассказать о жизни животного, то должны пользоваться формой Бианковской сказки: разговаривать человеческим языком, все остальное точно, как в жизни» [Письмо 1985, л. 14]. Менторский тон объясняется не только особенностями характера Сладкова, склонного инициировать споры в переписке со Зверевым, но и тем, что именно Сладков был публично назван Бианки преемником в литературе. От преемников Бианки требовалась верность имени и литературным образцам, отступление от которых рассматривалось участниками школы как прямое или скрытое предательство. В одном из писем 1983 г. Сладков призывал Зверева не включать произведения «перебежчиков» в сборники (Зверев издавал в Казахстане альманах «Лик земли», составленный из рассказов казахстанских писателей-«природников»), называя молодых авторов карьеристами, не достойными звания учеников и наследников бианковской традиции.

Несмотря на наличие литературных образцов и правил, художественная программа ленинградских натуралистов была противоречивой. Она базировалась на призывах Бианки следовать художественной правде, сохраняя верность научному факту. В писательских практиках «природников» сочетание одного и другого

удавалось далеко не всегда, и от писателя требовалось определиться, что для него является первичным. Вот здесь и был источник споров между писателями, иногда доходивших до серьезных обид. В письме 1951 г. Бианки отчитал Зверева за высказывание о недоверности научного факта в рассказе Пришвина «Лягушонок»: «В чудесном сердечном рассказе Пришвина о слишком рано весной проснувшейся лягушонке совсем не тот смысл — „глупый“ лягушонок Пришвина — теплый человеческий образ, „поэтический“ образ, в котором соединяются все на свете „слишком ранние предтечи, слишком медленной весны“» [Бианки 1975, 243]¹². В истории лягушонка, обманутого первым теплом, Бианки увидел образ человека, испытывающего холод окружающей жизни, и отнес это не только к себе, но и ко всему поколению «оттепели».

Поводом для личного спора между Зверевым и Бианки (а после смерти последнего между Зверевым и Сладковым) стала ошибка, допущенная Бианки в одном из изданий «Лесной газеты». В рассказе о птице коростель, которая пешком идет из Африки в акваторию Финского залива, Зверева возмутила очевидная ошибка: коростели не идут, а летят¹³. Много лет спустя Сладков убеждал Зверева: «Спросите сейчас любого от мала до велика, летит коростель в Африку или пешком идет? И все скажут, что идет! И только потому, что Бианки давным давно рассказал об этом в десяти строчках. Рассказал словами художника, и вот сколько лет не могут этого перешибить десятки (десятки!) научных статей и популярных изложений, напечатанных в самых широких изданиях» [Письмо 1968а, л. 4].

Подобное пренебрежение научным фактом возмущало Зверева, а Сладков вслед за Бианки упрекал товарища по перу в сухости языка и скупой образности, толкуя ему, что факт, осознанный умом, — это наука, а осознанный сердцем — искусство (образ коростеля-патриота осознается сердцем).

В силу дружелюбного характера, Зверев, который был значительно старше Сладкова по возрасту, не обижался на поучения, но время от времени напоминал в письмах Сладкову о том, что он знаком с Бианки с 1926 г., много общался с ним во время своих поездок в Ленинград и всегда находил с учителем общий язык. Однако личное знакомство с Бианки не отменяло установленной у ленинградских «природников» иерархии, согласно которой Сладков считался наследником Бианки, а значит был старшим по литературному цеху «природников» (первенство Звереву Сладков отводил только среди казахстанских писателей).

Стремясь следовать правилам написания природоведческой литературы, «природники» круга Бианки игнорировали очевидный факт: образцы становились трафаретами, мешавшими оценке новых имен и развитию природоведческой литературы. «Кто такой Снегирев — спрашивал Зверев Сладкова в письме 1974 г. о талантливом авторе рассказов о природе для детей. — Я увидел его книжку „Звери наших лесов“. Она ничего общего не имеет с художественной литературой!» [Письмо 1974, л. 3]. Зверев ставил знак равенства между литературой и школой Бианки, к которой молодой московский писатель действительно не принадлежал. Так же неопценными оказались москвичи Игорь Акимускин и Юрий Дмитриев (Зверев в письме советовался со Сладковым, куда причислить этих авторов, «в художественную элиту» или в «чернь»).

Неудивительно, что творческая новизна, при установленных «природниками» правилах, стала подменяться публицистической злободневностью. Зверева возмутил идущий пешком на родину коростель, но в этом же цикле рассказов Бианки описывает, как птицы разносят по всему миру весточки из советской страны, и никакие вражеские пограничники не могут остановить наших крылатых гонцов: «И все народы мира, заслоняя руками глаза от яркого солнца, всматриваются в летящие с севера стаи, вслушиваются в их голоса. Громкоголосые журавли и лебеди трубят им из поднебесья: — Кру-пру! Почта из СССР! Почта из СССР! Кру-пру! Ласковые ласточки, залетая под кровли, щебечут людям на ушко: — Почта из СССР! Почта из СССР! Прочтите, прочтите! Никакая пограничная стража, никакие войска и полиция не остановят наших крылатых посланцев — и им не откажешь в визе» [Бианки 2016, 150]. В таком «злободневном» контексте коростель, идущий пешком из далекой Африки на родную советскую землю, — вполне органичный образ, и поэтому Бианки не исправил, казалось бы, очевидную орнитологическую ошибку, повторив ее в переизданиях «Лесной газеты».

Писательской практикой в сообществе «природников» стала переделка собственных ранних произведений в соответствии с актуальными запросами времени. Каждая новая редакция книги Зверева «Белый марал» (переиздавалась 15 раз после 1929 г.) становилась все «злободневней»: охотников-аборигенов заменили колхозники, вера в тотемизм сменилась верой в науку, а конфликт между свободолюбивым зверем и человеком стал конфликтом между неразумным животным и образованным сотрудником зоопарка. Зверев писал об этом: «Охотник Аманчин — жадный собственник, за-

Рис. 4. Клуб писателей у костра. Слева направо: М. Зверев, Б. Щербаков, А. Лухтанов, Н. Сладков. Урочище Актогай на реке Чарын. Фото 1981 г.

интересованный в поимке мараленка только в корыстных целях. В последних изданиях он совсем другой человек. <...> Аманчин уже не охотник-единоличник, а охотник-промысловик агитирует вступить в колхоз отсталого охотника Мусу. Так возникает конфликт, злободневный для того времени, но не типичный для конца семидесятых годов. Поэтому я убрал в последующих вариантах этот раздел повести» [Зверев 1984, 250].

Взывая к духу Бианки, «природники» искали в образе учителя источник литературного вдохновения. Сладков писал Звереву о том, что в душе Бианки всегда жила Жар-птица, имея в виду творческое вдохновение. К счастью, творческая Жар-птица не позволила Бианки заниматься переделкой собственных ранних произведений в угоду «актуальности». Советская критика, в том числе из ближайшего окружения Бианки, приветствовала «развитие» писателя в сторону реализма. «От ранних произведений, в которых еще очень условны приметы времени, схематичны люди, отвлеченно романтична, а порой идеалистична их философия, — к реалистическому, научно-материалистическому восприятию природы, к полнокровным образам людей, к сегодняшней действительности шел этот путь» [Гроденский 1966, 45]. Сейчас именно раннее творчество Бианки воспринимается как безусловная классика.

Сладков часто подчеркивал разницу между собой и Зверевым, как по поводу споров о природоведческой сказке и границах антропоморфизма, так и по способам фиксации экспедиционного материала (Сладков вел дневниковые записи, Зверев пользовался карточками, составляя подробную картотеку). Различия в характерах и принципах преодолевались дружескими беседами у костра, долгими походами в горах и степях, изнурительными поисками редких птиц и готовностью не жалея сил проверить научный факт. Это объединяло алма-атинца М. Зверева, ленинградца Н. Сладкова, москвича С. Кустановича, казахстанца П. Мариковского, алтайца А. Лухтанова, усть-каменогорца В. Щербакова. Продолжением литературной школы В. Бианки был «Клуб писателей у костра» (название цикла рассказов в книге Зверева «Кладовая чудес», 1984), а не схоластические споры о границах антропоморфизма и различиях научно-художественной и природоведческой литературы.

Примечания

- ¹ Переписка Н. Сладкова и М. Зверева цитируется по материалам фонда Н. И. Сладкова (ЦГАЛИ СПб., фонд 538 (Н. И. Сладков)) с указанием адресатов и года письма.
- ² «Пишущих на производственную тему нарекли „производственниками“, на деревенскую „деревенщиками“. И вот уже в ходу слово „природники“ — это пишущие о природе» [Сладков 1983, 55].
- ³ После смерти М. Зверева его архив был передан родственниками в Центральный государственный архив Республики Казахстан, где ждет своего исследователя.
- ⁴ Речь идет о рассказе Ф. Абрамова «Сан Саныч», впервые опубликованном в журнале «Новый мир» (№ 5, 1982). Герой, носящий имя Сан Саныча, представляет собой негативный портрет А. Ливеровского, ближайшего человека к В. Бианки и его семье.
- ⁵ «я могу писать на кордоне, на пеньке в лесу, в самолете, в поезде, на вокзале, сидя среди шумной толпы, даже сидя на заднем сиденье в машине и ночью в темноте, освоив слепое письмо» [Письмо 1987, л. 26].
- ⁶ В письме к Н. Сладкову (1978) Зверев писал: «Как Вы думаете — почему Пришвина перестают читать, а с упоением читают Даррелла и др. подобных авторов... Видимо, наш век стал слишком практичным. Люди хотят называть вещи своим именами, знать в лицо то, что они должны любить, охранять, рационально использовать» [Письмо 1978, л. 18].
- ⁷ «Вспомнил о Маршаке, в руках которого была вся детская литература. Он делал все, чтобы замалчивали о нем (Бианки — М. К.), и тем самым

оказал ему неоценимую услугу: имя Бианки не было на слуху и книжки его печатали без оглядки на начальство, не придирались очень к „звериной теме“ и не тянули беспардонно, как других, на „современность“» [Последний год, л. 7].

- ⁸ «Что значит бесперспективность в те времена „темь природы“, я познал на себе. Всех пишущих „о природе“ сбивали с пути всеми возможными и невозможными способами. И устояли совсем немногие. И я в их числе» [Последний год, л. 8].
- ⁹ Цитата из А. Пушкина звучит в письме Бианки по поводу творчества Н. Сладкова: «и не случайно, конечно, Михаил Михайлович Пришвин, „заметил и, в гроб сходя, благославил“ Сладкова. „Главное, писал Пришвин, что отличает автора этих рассказов о природе, это, прежде всего, свой глаз, открывающий новое что-то в природе и как бы небывалое“» [Бианки 2016, 199].
- ¹⁰ «Маленькие наши сборы и разговоры о „Вестях из леса“ всегда были интересны. В отличие от официальных собраний в Союзе писателей, пропитанных ханжеством, подобострастием к властям, прямым холуйством и зеленой скукой» [Последний год, л. 7].
- ¹¹ На обложке книги М. Зверева «По следу» (Барнаул, 2021) перепечатана цитата из письма В. Бианки: «Вы волшебник и маг, — потому что сами постигали тайны (без кавычек) природы и великодушно раскрываете их перед всеми людьми-братьями». Цитата завершается призывом Бианки к своему «ученику»: «Совершенствуйтесь в этом жанре литературы — и Вы достойны будете занять свое (оригинальное, как у каждого художника) место даже в мировой литературе. В этом жанре приветствую и благославляю Вас» (авторская орфография сохранена — М. К.).
- ¹² Этот отрывок из письма В. Бианки Н. Звереву был издан в собрании сочинений Бианки отдельной статьей под названием «Об антропоморфизме».
- ¹³ «Даже такой писатель как Виталий Бианки, пользующийся вполне заслуженной известностью, сплошь и рядом допускал ошибочки, от которых его отец, известный зоолог своего времени, вероятно, почувствовал бы себя неудобно» [Зверев 1953].

Литература

Источники

Бианки 1975 — Бианки В. Об антропоморфизме // Бианки В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4.: Очерки, рассказы, статьи, дневники, письма. Л.: Дет. лит. Ленингр. отд-ние, 1975. С. 243–244.

Бианки 2016 — Бианки В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4.: Воспитание радостью. М.: Терра: Книжный Клуб Книговек, 2016.

Зверев 1953 — Зверев М. Зоологические ошибки наших писателей // *Естествознание в школе*. 1953. № 3. С. 84–89.

Зверев 1984 — Зверев М. Тропой писателя // Зверев М. Д. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1.: Повести. Алма-Ата: Жазушы, 1984. С. 248–272.

Письмо 1968 — Письмо М. Зверева Н. Сладкову от 06.08.1968 // ЦГАЛИ. Ф. 538. Оп. 1. Д. 144.

Письмо 1968a — Письмо М. Зверева Н. Сладкову от 6.11.1968 // ЦГАЛИ СПб. Ф. 538. Оп. 1. Д. 92.

Письмо 1974 — Письмо М. Зверева Н. Сладкову, 1974 // ЦГАЛИ СПб. Ф. 538. Оп. 1. Д. 147.

Письмо 1978 — Письмо М. Зверева Н. Сладкову, 1978 // ЦГАЛИ СПб. Ф. 538. Оп. 1. Д. 150.

Письмо 1985 — Письмо М. Зверева Н. Сладкову от 8.04.1985 // ЦГАЛИ СПб. Ф. 538. Оп. 1. Д. 144. л. 14.

Письмо 1987 — Письмо М. Зверева Н. Сладкову, 1987 // ЦГАЛИ СПб. Ф. 538. Оп. 1. Д. 152.

Последний год — «Последний год». О В. В. Бианки С приложением отрывков из писем В. В. Бианки к Н. И. Сладкову (маш. копии) под общим названием «История одной любви» // ЦГАЛИ СПб. Ф. 538. Оп. 1. Д. 24.

Сладков 1983 — Сладков Н. О чем пишут «природники»? // *О литературе для детей*. Вып. 26. Л.: Детская литература, 1983. С. 55–66.

Исследования

Бианки, Федяева 2021 — Бианки В. В., Федяева Т. А. Виталий Бианки. М.: Молодая гвардия, 2021.

Гроденский 1966 — Гроденский Г. П. Виталий Бианки: Критико-биографический очерк. М.: Детская литература, 1966.

Неуймина 1988 — Неуймина Н. Николай Сладков: Писатель и человек. Л.: Советский писатель. Ленингр. отд-ние, 1988.

Разувалова 2015 — Разувалова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

References

Bianki, Fedyayeva 2021 — Bianki, V. V., Fedyayeva, T. A. (2021). Vitaliy Bianki. Moscow: Molodaya Gvardiya.

Grodenskiy 1966 — Grodenskiy, G. P. (1966). Vitaliy Bianki: Kritiko-biograficheskiy ocherk [Vitaliy Bianki: Critical biographical essay]. Moscow: Detskaya Literatura.

Neuymina 1988 — Neuymina, N. (1988). Nikolay Sladkov: Pisatel' i Chelovek [Nikolay Sladkov. Writer and man]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. Leningr. otd-nie.

Razuvalova 2015 — Razuvalova, A. (2015). Pisateli-“derevenshchiki”: literatura i konservativnaya ideologiya 1970-kh godov [“Derevenshchiki” Writers: Literature and Conservative Ideology of the 1970s]. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye.

Marina Kostyukhina

Herzen University; ORCID: 0000-0001-8016-7676

“CALLING UP BIANKI’S SPIRIT” (BASED ON CORRESPONDENCE
BETWEEN MIKHAIL ZVEREV AND NIKOLAY SLADKOV)

The article is dedicated to a review of the literary and personal communication of Soviet nature writers in the 1960s and 1980s. V. Bianki was the inspirer and literary teacher of this writing community, and his students were Leningrad authors who wrote about nature. V. Bianki referred to N. Sladkov as his heir in literature. The correspondence between N. Sladkov and the Kazakh naturalist writer M. Zverev provides material for the analysis of the artistic and philosophical attitudes of the authors who ranked themselves among the literary school of V. Bianki and also allows to understand not only the personal relationship between the correspondents, but also the phenomenon of the Soviet writer-naturalist. In setting themselves in opposition to amateur amateurs, “naturalists” insisted on the need to combine scientific authenticity with artistic imagery, seeing this as the specificity of natural history literature. Another important part of the identity of “naturalists” was participation in biological fieldwork, which allowed collecting material for literary work. The artistic program of the Leningrad naturalists was contradictory: in some ways it inherited Bianki’s naturalist concept and literary method, and in other ways it challenged them. However, the circle of Bianki’s followers took on the role of unquestionable experts in the field of novelty naturalistic prose for children.

Keywords: prirodniki, naturalist writers, Vitaliy Bianki, nature study tales, Nikolay Sladkov, Mikhail Zverev